

Романов Р. Е.

**Стимулирование труда рабочей молодежи оборонных предприятий
Сибири в годы войны (1941–1945) □**

Великая Отечественная война оказала огромное влияние на различные сферы сибирского индустриального общества, основы которого сложились в условиях ранней советской модернизации. Модернизационные процессы привели к существенному изменению повседневной жизни населения региона, особенно молодежи, активно вовлекавшейся в водоворот экономических и социокультурных перемен. Для успешной адаптации к ним многие молодые люди стремились занять новые социальные ниши. Их выбор был связан, прежде всего, с включением в заводские коллективы, обусловленным формированием у юношей и девушек мотивации к производственной деятельности. Последняя отличалась постоянной динамикой, зависевшей от многих факторов, в том числе от трудовых стимулов, которые использовались на предприятиях. В целом проблема стимулирования труда имела большое значение для профессиональной социализации рабочей молодежи на всех этапах советской индустриальной модернизации. Но наибольшую актуальность она приобрела в военное время, когда массовое использование подростков и молодых людей в выпуске продукции для фронта сопровождалось титанической мобилизацией их физических и духовных сил, осуществлявшейся за счет различных моральных и материальных стимулов. В данном случае необходимость объяснения субъективных причин этой мобилизации со стороны юных рабочих в экстремальных условиях войны побуждает исследователя к анализу совокупности мероприятий, направленных на формирование их мотивации к промышленному труду. В частности внимание сфокусировано на стимулировании трудовой активности рабочей молодежи оборонных предприятий Сибири, по существу сложившейся в качестве одной из новых социально-демографических групп городского населения региона в первой половине 1940-х гг.

Следует отметить, что в новейшей отечественной историографии проблема стимулирования труда рабочих в годы войны рассматривалась преимущественно в русле более обширных тематических сюжетов истории

* Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН, проект № 33.2.3. «Социальные аспекты модернизации Сибири в XX столетии».

Романов Роман Евгеньевич, канд. ист. наук, младший научный сотрудник Института истории СО РАН. E-mail: rromanov1981@mail.ru

© Р. Е. Романов, 2012

советского тыла. В последние два десятилетия появились исследования, в которых общая характеристика их трудовых стимулов дана в рамках истории советского тыла в целом¹, в том числе развития системы управления², индустриального базиса экономики³, рабочего класса⁴, массового сознания⁵, мотивации к труду⁶. В региональной литературе данная проблематика затрагивалась в работах по истории оборонной промышленности⁷, формирования и использования людского потенциала⁸, жизнеобеспечения населения⁹ в районах сибирского тыла. В целом современными авторами выделены три группы стимулов производственной деятельности работников военной экономики: морально-психологические (культурно-исторические ценности, патриотизм и нравственная неприязнь к захватчикам, осознание военной угрозы, политический и информационно-идеологический контроль, слухи и информация религиозного содержания, письма с фронта, эмоциональный шок, восприятие образа Сталина и т. п.); материально-экономические и социальные (стимулирующие формы оплаты труда, нормированное снабжение, развитие социально-бытовой сферы); административно-репрессивные (дисциплинарные нормы трудового законодательства). При этом многие исследователи отмечали неэффективность широкого использования жестких санкций для поддержания производственной дисциплины в суровых условиях тыловой повседневности. С их точки зрения наиболее эффективным механизмом стимулирования являлось либо материальное поощрение, либо моральное побуждение рабочих к труду. Данные выводы и оценки проецировались как на рабо-

¹ *Великая Отечественная война, 1941–1945: Военно-исторические очерки*: В 4-х кн. Кн. 4. М., 1999.

² *Данилов В. Н.* Советское государство в Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти 1941–1945 гг. Саратов, 2002.

³ *Парамонов В. Н.* Россия в 1941–1945 гг.: проблемы индустриального развития. Самара, 1999.

⁴ *Тельпуховский В. Б.* Героизм рабочего класса // *Война и общество. 1941–1945*: В 2 кн. Кн. 2. М., 2004.

⁵ *Козлов Н. Д.* Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1995; *Зима В. Ф.* Менталитет народов России в войне 1941–1945 гг. М., 2000; *Андрюченко М. В., Линец С. И.* Население Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны: оценка поведенческих мотивов: Дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005.

⁶ *Тогоева С. И.* Факторы влияния на мотивацию труда (на материалах Тверского вагоностроительного завода в 1941–1951 гг.) // *Экономическая история. Обзорение*. М., 2002. Вып. 8. С. 39–56; *Сомов В. А.* Потому что была война...: Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны. Н. Новгород, 2008.

⁷ *Шумилов В. Н.* Создание оборонной промышленности Новосибирской области. Новосибирск, 2000; *Саяцкий И. М.* Важнейший арсенал Сибири. Развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005; *Шевченко В. Н.* Сибирский арсенал Победы: становление и развитие оборонной промышленности Сибири в годы Великой Отечественной войны. Красноярск, 2008; и др.

⁸ *Исупов В. А.* Главный ресурс Победы: людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945). Новосибирск, 2008.

⁹ *Шалак А. В.* Условия жизни и быт населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Иркутск, 1998.

чий класс в целом, так и на его молодое поколение в частности. В то же время в литературе без ответа остается вопрос о наличии или отсутствии специфических трудовых стимулов, ориентированных именно на широкую прослойку юных работников оборонных предприятий сибирского тыла.

В русле общих тенденций современной российской историографии находятся также исследования по истории молодежи в годы Великой Отечественной войны. В частности некоторые аспекты стимулирования ее производственной деятельности разрабатывались в контексте участия юношей и девушек в развитии оборонно-промышленного потенциала¹, в условиях повседневности² тыловых регионов. В качестве стимулов к труду рассматривались их патриотизм и жертвенность, ненависть к врагу, воспитательная работа комсомола и кадровых работников, совокупность материальных поощрений и административно-уголовных санкций. Следовательно, на сегодняшний день в литературе предприняты первые попытки по изучению стимулов трудовой активности юных рабочих в сфере военного производства. Но, по-прежнему, не ясно, какие из этих стимулов были наиболее адекватны с точки зрения их возрастной психологии.

Таким образом, к настоящему времени вопрос о стимулировании труда рабочей молодежи получил некоторое освещение в отечественной историографии. Однако данная тематика растворена в исследованиях, посвященных ряду других проблем истории советского (в частности сибирского) тыла. Она представлена в литературе весьма фрагментарно, что не раскрывает в полной мере степень влияния различных форм стимулирования на производственную деятельность юных тружеников сибирского тыла. В связи с этим целью данной статьи является выявление их эффективности в плане поддержания трудовой активности и дисциплины молодых рабочих, занятых в военной индустрии края.

В годы войны оборонная промышленность Сибири стала одной из важнейших сфер приложения молодежного труда. Массовое вовлечение подростков и молодых людей в военно-промышленное производство края было связано с необходимостью их выживания в суровых жизненных условиях, замены у станка родственников, ушедших на фронт, поиска новой социальной ниши в связи с потерей семьи, желанием получить рабочую профессию, влиянием официальной пропаганды, проведением призывов на предприятия и в учебные заведения трудрезервов и т. д. Трудовая мобилизация юношей и девушек способствовала численному росту рабочей молодежи промышленности края. Ее численность увеличилась со 170–180 тыс. чел.

¹ Кириллов Г. И. Молодежь и подростки Мариинской республики на производстве в годы войны (1941–1945). Йошкар-Ола, 2005; Романов Р. Е. Рабочая молодежь оборонных предприятий в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009.

² Назаров А. И. Повседневная жизнь молодежи в советском тылу в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. (на материалах Тамбовской области). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2010.

в 1940 г. до 270–300 тыс. чел. в 1945 г.¹ Значительную часть юных тружеников сибирского тыла составляли подростки и молодые люди, занятые в производстве вооружения и боеприпасов. В 1941–1943 гг. доля последних среди рабочих оборонных предприятий региона достигала 60 %, в 1944 – первом полугодии 1945 г. – 40–50 %. Молодежь являлась самой крупной возрастной группой трудящихся, от производственной деятельности которой во многом зависело выполнение плана по выпуску продукции для фронта. В этих условиях на военных заводах возникла проблема поиска и эффективного применения трудовых стимулов, адекватных психологии юных рабочих.

В военные годы руководство оборонных предприятий Сибири с подачи высших государственной органов власти стремилось использовать разнообразные формы стимулирования производственной деятельности рабочей молодежи. В это время государство пыталось регулировать ее интенсивность, прежде всего, за счет административно-репрессивных мер. В данном случае речь идет об ужесточении норм трудового законодательства для укрепления дисциплины среди рабочих и служащих, получившее распространение еще в мирное время. По Указу Президиума Верховного Совета СССР (далее – ПВС СССР) от 26 июня 1940 г. за дисциплинарные нарушения вводились уголовные наказания. За прогул рабочие и служащие по приговору народного суда направлялись на исправительно-трудовые работы на срок до шести месяцев с удержанием 25 % заработной платы. За самовольный уход с предприятия полагалось тюремное заключение от двух до четырех месяцев². Учащиеся ремесленных, железнодорожных училищ (РУ, ЖУ) и школ ФЗО за уход или исключение из учебного заведения из-за правонарушений карались заключением в трудовые колонии до одного года³. В первые месяцы войны репрессивное законодательство, действовавшее в индустриальных отраслях экономики, получило дальнейшее развитие. По Указу ПВС СССР от 26 декабря 1941 г. труженики оборонных заводов становились мобилизованными и прикреплялись к месту работы до конца войны. В связи с этим самовольный уход с производства рассматривался как дезертирство, за которое по приговору во-

¹ Рассчитано по: *Докушев Г. А.* Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. М., 1973. С. 391; *Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма.* Новосибирск, 1984. С. 90.

² *Указ* Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» // Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. С. 637.

³ *Указ* Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1940 года «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)» // Викитека // [эл. ресурс] <http://ru.wikisource.org/wiki>

енного трибунала полагалось тюремное заключение на срок от пяти до восьми лет¹. В совокупности данные правовые нормы стали основой принудительного стимулирования труда рабочей молодежи в отраслях оборонной промышленности.

Часть юношей и девушек, включавшихся в военное производство Сибири, добровольно или вынужденно принимала статус мобилизованного работника. В 1942 г. на омский завод № 174 поступил юный ленинградец В. А. Белов, эвакуированный из осажденного города на Неве. Спустя многие десятилетия Валерий Александрович вспоминал: «Дисциплина на заводе была строжайшей. За 15–20 мин. опоздания на работу могли отдать под суд. Но все мы понимали, что законы военного времени должны быть суровы, любая расхлябанность была бы на руку врагу»². В данном случае установка на соблюдение жестких норм трудовых отношений обуславливалась стремлением юных рабочих соответствовать духу военного времени, неотъемлемой частью которого была строгая дисциплина. Некоторые подростки и молодые люди, вероятно, рассматривали наказания за ее нарушения как неизбежные и справедливые. Особенно это касалось применения материальных и административных санкций, иногда воспринимавшегося ими в качестве морально оправданного. «Однажды опоздал на работу в ночную смену, что было недопустимо. Меня судили: четыре месяца удерживали из зарплаты по двадцать процентов. Не огорчился, ведь все равно – в фонд обороны!»³ – вспоминал ветеран одного из военных заводов Кузбасса Николай Тутов. Следовательно, часть молодых рабочих с пониманием относилась к дисциплинарным взысканиям, вынуждавшим их соблюдать мобилизационный режим труда.

Наряду с сознательностью, одним из психологических барьеров, который мог удерживать юношей и девушек от нарушений производственной дисциплины, являлось уголовное преследование за их совершение. Ветеран Томского подшипникового завода Е. Р. Квятковский вспоминал, что за отступление от дисциплинарных норм рабочих наказывали очень сурово. Так, его товарищ по цеху Михаил Кокотов за самовольную поездку к родителям получил восьмилетний тюремный срок⁴. Нередко на предприятиях проводились показательные суды над прогульщиками и «дезертирами», побуждавшие некоторых юных тружеников избегать правонарушений из-за боязни ареста и лишения свободы. Например, с 1 августа по 20 октября 1942 г. на новосибирском заводе им. Чкалова уголовному наказанию подверглись 636 юношей и девушек. За 11 месяцев 1943 г. в г. Сталинске Кемеровской области за прогулы и «дезертирство» было арестовано и осужде-

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года «Об ответственности рабочих и служащих за самовольный уход (дезертирство) с предприятий военной промышленности» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967): Сб. документов. М., 1968. Т. 3. С. 34.

² *Обожгла наше детство* война. Сб. воспоминаний детей военного времени. Омск, 2010. С. 32.

³ *Сибирские страницы* Великой Отечественной. Новосибирск, 2005. С. 208.

⁴ *Из истории земли Томской. Кто был для фронта мал.* Сб. воспоминаний. Томск, 2003. С. 295.

но 3352 молодых рабочих¹. В то же время эти данные свидетельствуют о том, что проблема трудовой дисциплины в среде заводской молодежи носила обостренный характер. Причинами ее значительной остроты являлись трудности адаптации юношей и девушек к условиям оборонного производства и барачного быта, безразличное или бестактное отношение к ним со стороны многих начальников и кадровых рабочих, а также вынесение заочных судебных приговоров в отношении «дезертиров», не задержанных правоохранительными органами.

В целом негативные явления повседневной жизни сибирского тыла вели к снижению эффективности административно-репрессивных форм стимулирования труда рабочей молодежи. К тому же их применение, нацеленное лишь на укрепление производственной дисциплины, не способствовало развитию творческого интереса юношей и девушек к освоению технических навыков. Для этого необходимо было задействовать широкий круг материальных и моральных стимулов, за счет которых осуществлялось бы соответственно вознаграждение каждого юного труженика за производственные достижения и его побуждение к поддержанию интенсивного темпа работы.

В военных условиях советское государство с целью поддержки жизненного уровня трудящихся активно использовало формы материального стимулирования их производственной деятельности. Как и в мирное время, оно продолжало принимать меры по повышению номинального размера заработной платы рабочих и служащих. С 1940 по 1944 г. в Западной Сибири средняя зарплата промышленно-производственного персонала выросла с 279 до 499 руб. (на 79 %). На оборонных предприятиях Новосибирска она увеличилась с 400–500 руб. в 1941 г. до 700–800 руб. в 1944 г.² Рост заработков был связан с применением сдельной, прогрессивной, сдельно-прогрессивной, прогрессивно-премиальной оплаты труда, полагавшейся за перевыполнение норм выработки. Однако с началом войны эти формы денежного поощрения стали малоэффективными трудовыми стимулами, что было обусловлено значительным ростом налогов и займов по гособлигациям, рыночных цен на товары повседневного спроса. Об этом в воспоминаниях свидетельствовали ветераны оборонных заводов сибирского тыла. «Мы добросовестно работали в своих сменах, выполняя и перевыполняя нормы выработки. Получали зарплату. Собственно, на величину зарплаты особого внимания не обращали. Все равно, на полученные деньги в магазине нечего было покупать, все давалось по карточкам»³ – вспоминал бывший рабочий новосибирского завода № 386 А. М. Чуркин. Следовательно, в экстремальных условиях во-

¹ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 613. Л. 17; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 108. Л. 21.

² Рассчитано по: *Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма*. С. 47, 135; *Савицкий И. М. Важнейший арсенал Сибири...* С. 356, 357.

³ *Чуркин А. М. Мое поколение*. Новосибирск, 2006. С. 58–59.

енного времени основой материального стимулирования труда работников предприятий стало натуральное социально-бытовое обеспечение.

В первые месяцы войны юные труженники оборонной промышленности Сибири были включены в систему нормированного снабжения, дифференцированного по социально-производственному принципу. Например, каждый рабочий должен был получать по карточкам 800 г. хлеба в сутки, 2200 г. мяса, 1500 г. крупы или макарон, 600 г. жиров, 600 г. сахара в месяц. При этом из общей массы трудящихся выделялись отдельные категории, которым полагалось дополнительное питание сверх установленных норм. Типичная ситуация сложилась и в сфере нормированного распределения промтоваров, выдававшихся по купонам. На сверхнормативное обеспечение могли претендовать те, кто существенно перевыполнял производственные задания, трудился во вредных производственных условиях, страдал от истощения и т. д. В частности большое значение в материальном стимулировании рабочих приобрело приоритетное снабжение стахановцев и ударников, использовавшиеся на отдельных предприятиях уже в начальный период войны. Например, в 1942 г. на красноярском заводе № 477 были введены «книжки двухсотника», владельцы которых получали продовольственные и промышленные товары в качестве премий за ударный труд. Ежемесячно от 100 до 150 молодых рабочих, выполнявших от двух и более норм, дополнительно снабжались продуктами питания за счет подсобного хозяйства. Кроме того, от 200 до 300 юных передовиков производства регулярно питались по повышенным нормам в специальной столовой. Эти меры, своевременно принятые заводским руководством, стали одним из факторов роста численности и удельного веса двухсотников и многосотников в составе рабочей молодежи предприятия¹.

Появление к концу 1942 г. в среде рабочей молодежи Сибири прослойки стахановцев и ударников, выполнявших по три нормы и более, побудило заводские администрации к расширению перечня предоставляемых им натуральных «льгот». С этой целью на ряде оборонных предприятий края было учреждено почетное звание «стахановец военного времени». Оно присваивалось многосотникам и тысячникам, получавшим специальные книжки, которые давали право на дополнительное горячее питание без вырезки талонов из карточек, приоритетное снабжение промтоварами и продуктами из магазинов отделов рабочего снабжения, первоочередной ремонт обуви, одежды в пошивочных мастерских, получение и благоустройство жилья². В частности за ударный труд юношам и девушкам вручались талоны или ордера, позволявшие бесплатно получать обеды в столовой, предметы повседневного обихода. В январе 1943 г. на томском заводе № 690 за производственные достижения 29 молодых рабочих были премированы талонами

¹ ГАКК. Ф. Р-1341. Оп. 1. Д. 30. Л. 25; Д. 35. Л. 19.

² ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 956. Л. 65.

на верхнюю одежду, белье, обувь¹. В этом же году юные труженики омского завода № 29, завоевавшие звание «стахановца-гвардейца сталинского графика», получали двухкилограммовую пайку хлеба, два талона на дополнительное питание, талон на промтовары, право на первоочередное культурно-бытовое обслуживание². Так же поощрялись и победившие в соревновании комсомольско-молодежные бригады. В декабре 1943 г. в Новосибирске фронтовой бригаде Рузис за первое место в соревновании были вручены промтовары на сумму в 5 тыс. руб., фронтовой бригаде Ченцовой за второе место – на сумму в 3 тыс. руб. Бригады Симоненко, Карленкова, Жудина за третье место получили промтовары на сумму в 2 тыс. руб.³ В целом такая поддержка в условиях тотального дефицита и повышения цен в большей степени стимулировала трудовую активность юношей и девушек, чем денежные выплаты. Полученные в качестве награды товары повседневного спроса часто продавались или обменивались на продукты питания, позволявшие на некоторое время утолить голод. В то же время при снижении производительности труда молодые рабочие лишались доступа к дополнительному снабжению, что подрывало их материально-бытовое положение.

Вместе с тем, острейший дефицит жизненно важных ресурсов снижал эффективность натуральных форм материального стимулирования трудовой активности юношей и девушек. Так, в 1944 г. на красноярском заводе № 477 план по обеспечению рабочих шелковыми, хлопчатобумажными и шерстяными тканями был выполнен от 50,0 до 85,5 %, трикотажными и швейными изделиями – от 67,7 до 114,7 %, кожаной обувью – на 39,6 %⁴. В то же время прослойка стахановцев и ударников в составе юных рабочих в течение войны существенно возросла⁵. По данным причинам одних материальных стимулов не всегда хватало для сохранения у заводской молодежи неподдельного творческого интереса к повышению профессиональной культуры, производительности труда, качества выпускаемой продукции. В связи с этим на оборонных заводах Сибири широко использовались способы позитивного психологического воздействия на молодых рабочих, являвшиеся основой побудительного стимулирования ее производственной деятельности.

Одним из действенных моральных стимулов, мобилизующих подростков и молодых людей на увеличение выпуска продукции для фронта, являлась пропагандистская работа комитетов партии и комсомола. Данная форма стимулирования трудовой активности, применявшаяся еще в мирное время, широко использо-

¹ ГАТО. Ф. П-1221. Оп. 1. Д. 132. Л. 11.

² ГАРФ. Ф. Р-7678. Оп. 6. Д. 119. Л. 11.

³ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 706. Л. 19.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1341. Оп. 1. Д. 38. Л. 29.

⁵ Например, в конце 1942 г. доля стахановцев и ударников среди рабочей молодежи предприятий Новосибирской области составляла около 20,0 %, в середине 1944 г. – более 60,0 % – ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 229. Л. 9, 79; Д. 764. Л. 72; Д. 962. Л. 87.

валась на оборонных предприятиях сибирского тыла. Так, на производстве регулярно проводились агитационные кампании по вовлечению юношей и девушек в соцсоревнование, получившие с началом войны новый импульс. В начале 1942 г. комсомольцы завода им. Чкалова обратились к молодежи Новосибирской области с предложением принять участие в соревновании в честь 24-й годовщины Красной армии. Молодые рабочие брали на себя обязательства по выполнению норм на 150%, созданию пяти комсомольско-молодежных бригад и обучению 200 учеников, выпуску сверх плана вооружения для оснащения ста боевых самолетов, двух приборов, обеспечению за счет рационализации производства экономии на 400 тыс. руб. Обращение заканчивалось призывом: «Юноши и девушки, комсомольцы и комсомолки нашей области! Следуйте нашему примеру, берите на себя соцобязательства, боритесь за их выполнение!»¹. Данное воззвание было рассчитано на пропагандистский эффект, поскольку ориентировало юных тружеников на решение производственных задач в условиях военного времени.

Особое значение в стимулировании трудовой деятельности рабочей молодежи имела наглядная агитация, использовавшаяся для поддержания духа соревнования. Ее основным средством являлись плакаты, боевые листки, отличавшиеся «фронтной» риторикой. Одной из задач агитаторов было побуждение отставших от графика рабочих, бригад, цехов к повышению производительности труда. В августе 1942 г. на заводе № 29 г. Омска несколько комсомольско-молодежных бригад не выполняли план. Например, 20 августа в бригаде Шемет работница Мальцева обработала 176 деталей вместо 260 плановых, Курбанова – 150 вместо 284, Иванова – 95 вместо 150, Колесникова – 85 вместо 284, Демухометова – 320 вместо 350, Тарасова – 430 вместо 515. По инициативе комсомольской организации цеха на участке бригады был вывешен монтаж «Зверства немецких оккупантов», а рядом – плакат с обращением к бригадиру: «т. Шемет! Неужели Вы не понимаете, какие муки приносят гитлеровцы нашим мирным жителям. Бойцы фронта не щадя своей жизни уничтожают гитлеровцев, а Вы не желаете им помочь и не выполняете сменного задания. Если Вы желаете помочь КА², то покажите это ежедневным перевыполнением задания каждым станком». Столь суровая критика со стороны комсомольского руководства побудила бригаду преодолеть недостатки в работе и на следующий день перевыполнить план выпуска продукции. Для пропаганды достигнутого ею результата агитаторы цеха повесили новый плакат: «Бригада т. Шемет став на фронтную вахту 21 августа на всех станках перевыполнила сменное задание. Работники бригады! Закрепите успехи и повышайте производительность труда!»³ Следовательно, средства наглядной агитации служили мощ-

¹ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 556. Л. 29, 30.

² Так, в документе. Очевидно, речь идет о Красной армии.

³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 6. Д. 21. Л. 201.

ным рычагом психологического воздействия на коллективы рабочей молодежи с низкой производительностью труда.

Публичная критика комсомола нередко была и по отдельным молодым рабочим, отстававшим от производственного графика, выпускавшим бракованные изделия. На оборонных предприятиях Новосибирска у станков бракоделов висели панно с надписью «Из-за допущенного тобою брака будет уничтожено одним фрицем меньше!»¹. В Красноярске на заводе № 4 у рабочих мест подростков и молодых людей, невыполнявших нормы выработки, вывешивались «боевые листки» следующего содержания: «Универсал» – станок исправный, должен дать детали в срок. Но сорвал их лодырь «бравый», фрезеровщик Казаков». В механическом цехе предприятия для критики рабочего Смородинова, имевшего низкие показатели, комсомольские агитаторы изготовили большой сатирический плакат. На нем был изображен здоровенный парень, который курил лежа, закинув ногу на ногу. Слева в верхней части плаката было написано: «Кто сегодня плохо работает?», справа – Смородинов. Негативное отношение к плохой работе усиливал также плакат со стихотворным обращением ко всем потенциальным «лодырям»:

«Тот, кто сегодня ленив и беспечен,
Трудом своим фронту ни чем не помог,
Будет народным презрением встречен,
С ним, как с врагом, наш народ будет строг!»².

При наличии успехов в трудовой деятельности наглядная агитация, напротив, служила средством выражения благодарности передовикам производства. Весной 1942 г. с появлением первых тысячников в цехах комбината № 179 были вывешены плакаты «Честь и слава новаторам производства, тысячникам Ширшову, Савельеву, Марценкевичу», «Привет новому тысячнику комсомольцу Микину»³. В начале 1943 г. на одном из военных заводов Новосибирска действовала комсомольско-молодежная бригада под руководством стахановца Бориса Суркова. В этом коллективе царил атмосфера ударного труда, созданная за счет широкой пропаганды производственных достижений рабочей молодежи. Так, в ходе соревнования максимальных показателей достигла комсомолка Туманова. Для ее морального поощрения в цехе был вывешен яркий плакат «Фронтное спасибо комсомолке Тумановой!»⁴. В данном случае стимулом к сохранению высокой трудовой активности являлось привлечение внимания коллектива к производственным результатам самой лучшей работницы, на которую следовало равняться всем остальным членам бригады.

¹ Советская Сибирь. 1943. 16 янв.

² ГАКК. Ф. П-41. Оп. 1. Д. 684. Л. 119–121.

³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 8. Д. 60. Л. 9.

⁴ Советская Сибирь. 1943. 16 янв.

В целом наглядная агитация имела широкое функциональное значение в плане стимулирования трудовой деятельности юношей и девушек. Она являлась не только средством похвалы или критики молодых рабочих, но и трансляции информации, способной вызвать в их среде эмоциональный подъем. Достижению этой цели служила «военная» атрибутика соцсоревнования («гвардеец тыла», «фронтная бригада», «фронтная вахта» и т. д.), внушавшая заводской молодежи мысль о том, что от ее труда зависит ход боевых действий на фронте. Ветеран завода № 386 Т. М. Егорова вспоминала, что для получения и сохранения звания «фронтной» работницы ее бригады вырабатывали не менее двух норм, а после окончания своей работы продолжали выполнять другие производственные задания, не считаясь со временем и усталостью¹. Следовательно, пропаганда создавала и поддерживала на оборонных предприятиях психологическую атмосферу, побуждавшую рабочую молодежь добиваться высокой производительности труда.

Не менее важным моральным стимулом являлось вручение лучшим стахановцам и ударникам орденов, медалей, почетных грамот, лучшим комсомольско-молодежным бригадам – переходящих красных знамен и вымпелов, присвоение последним имен героев Отечественной войны. Награждение осуществлялось на торжественных мероприятиях, которые должны были своей праздничной атмосферой побуждать юных передовиков к новым трудовым подвигам. Действенность такого психологического эффекта можно показать на примере награждения комсомольско-молодежных бригад, победивших в соцсоревновании. В 1943 г. в Новосибирске бригада под руководством М. И. Кобзевой заняла первое место в соревновании по заводу № 386 («Искра») и третье место по городу. На предприятии данному коллективу присвоили звание «Первой фронтной молодежной бригады» и вручили переходящее красное знамя. Спустя десятилетия Мария Ивановна вспоминала: «Очень запомнился торжественный вечер, то есть присвоение звания фронтной бригады, вручение Красного знамени. В большом светлом зале было много аплодисментов, поздравлений, пожеланий, просто невозможно было удержаться от слез»². Следовательно, праздничная обстановка служила механизмом тонкого психологического воздействия как на награждаемых передовиков производства, так и на остальных молодых рабочих, присутствовавших на торжественном мероприятии. Она оставляла у них неизгладимое эмоциональное впечатление, которое в сочетании с соответствующими атрибутами, превращалось в один из моральных стимулов к труду. Так, бригада Марии Кобзевой до конца войны удерживала завоеванное в соревновании переходящее красное знамя³, служившее для нее символом трудовой славы и доблести.

¹ «Долга на земле не имею». Рассказывают ветераны // Букин С. С. Завод «Искра» в годы Великой Отечественной войны. Исторический очерк и воспоминания ветеранов. Новосибирск, 2001. С. 80.

² Там же. С. 93–94.

³ Там же. С. 94.

Наряду с агитационными приемами, задействованными в ходе соцсоревнования, в целях стимулирования труда рабочей молодежи партийные и комсомольские организации широко использовали пропагандистский потенциал средств массовой информации, особенно радио. Например, по нему транслировались выступления трудящихся, которые органично вписывались в русло официальной пропаганды. Весной 1942 г. в одной из радиопередач прозвучало выступление молодого рабочего Вершинина, рассказавшего о своей производственной биографии. Он подчеркнул, что его желание работать на заводе было одобрено отцом, мобилизованным в Красную армию¹. Данное заявление использовалось комсомольскими организациями для распространения среди молодежи установки о единстве фронта и тыла на уровне отдельной семьи. Еще более эмоционально яркое впечатление оставляли у юношей и девушек сводки Советского информбюро о проведении Красной армией успешных боевых операций. Ветеран новосибирского завода им. Чкалова Анна Лутковская вспоминала: «... у нас посреди цеха было большое радио. И только пробивало одиннадцать часов, когда передавали последние известия, мы бросали работу и бежали к радиоприемнику. Если наши наступали, сил сразу прибавлялось»². Освобождение территории страны от врага давало юным рабочим надежду на победоносное окончание войны. Данные настроения побуждали их преодолевать трудности, связанные с суровыми условиями труда, воспринимавшимися как неизбежные испытания на пути к долгожданной мирной жизни.

В годы войны, наряду с комсомольскими организациями, значительную роль в стимулировании труда подростков и молодых людей играли опытные рабочие и специалисты оборонных предприятий. Нередко им приходилось прилагать немало усилий для того, чтобы воспитать из бывших школьников дисциплинированных рабочих. Летом 1942 г. в один из цехов красноярского завода № 4 поступили 14–15-летние подростки. Из-за отсутствия технических навыков они часто ломали ценные резцы, необходимые для обработки заготовок, изготавливали бракованные детали, не выполняли нормы выработки. Подростки часто отвлекались от работы, хулиганили и устраивали драки во время смены. За воспитание этой «ватаги» взялся парторг Егоров и начальник цеха Федоров. Они рассказали юным рабочим о положении на фронте, о своей трудовой биографии, о вреде, который наносился производству из-за поломки резцов, плохой работы и т. д. Результатом воспитательной работы стало добровольное включение подростков во фронтовые бригады, в которых они стали выполнять нормы выработки от 148 до 193 %³. Следовательно, отеческое отношение к молодежи со стороны начальников, сознательно взявших на себя функцию воспитателей, также являлось стимулом к ударному труду.

¹ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 693. Л. 6.

² Цит. по: *История промышленности Новосибирска*. Т. 2. Время, вперед. Новосибирск, 2004. С. 136.

³ ГАКК. Ф. П-41. Оп. 1. Д. 684. Л. 125.

Одним из наиболее ярких примеров положительного взаимодействия зрелого и молодого поколения трудящихся являлся опыт воспитательной работы старшего мастера новосибирского завода им. Чкалова Я. Юзефовича. Пятого января 1944 г. в газете «Советская Сибирь» была опубликована его статья под заголовком «Мастер-воспитатель», в которой были подробно описаны методы стимулирования интереса молодых рабочих к освоению профессий и повышению культурно-технического уровня. Например, мастер проводил в цехе десятиминутные собрания, где обсуждались причины невыполнения производственных заданий, способы повышения производительности труда, инициировались рационализаторские предложения. Опытный наставник прививал подросткам навыки организации рабочего места, следил за их трудовой дисциплиной. После проведения собраний прекратились опоздания на работу, самовольные уходы из цеха до окончания смены. У молодежи появилась мотивация к экономии рабочего времени, соблюдению производственного графика, эффективному использованию оборудования и материалов. Важную роль в повышении творческого интереса к индустриальному труду играла забота мастера о материально-бытовом положении юношей и девушек. По его инициативе юные рабочие были размещены в благоустроенном общежитии, получили одежду и обувь¹.

В военных условиях одним из наиболее эффективных трудовых стимулов являлось шефство кадровых рабочих и мастеров над заводской молодежью. Нередко оно помогало решить проблему низкой производственной дисциплины юношей и девушек. Так, в Красноярске на заводе № 703 за хулиганство и уход с предприятия был арестован рабочий-подросток Кривобоков. Узнавший о случившемся мастер механосборочного цеха Глущенко обратился в заводскую комендатуру с просьбой отдать ему подростка на перевоспитание. Его просьба была удовлетворена, и старый производственник взял Кривобокова под свою опеку. Сначала из-за отсутствия интереса к работе подросток не выполнял нормы и продолжал нарушать дисциплину. Однако терпеливому мастеру удалось заинтересовать юного рабочего выполнением производственного задания. Вскоре Кривобоков начал выработать нормы на 120–130 % и впоследствии достиг более высоких показателей. Этот пример произвел глубокое впечатление на кадровых работников цеха, которые по собственной инициативе взяли шефство над 46 подростками². Добродушное и заботливое отношение со стороны старших наставников побудило многих из них изменить свое поведение и благополучно включиться в заводской коллектив.

Кроме старших поколений трудящихся, стимулирующее воздействие на производственную деятельность юношей и девушек оказывал коллектив рабочих-сверстников. Ветеран одного из оборонных заводов Новосибирска А. Н. Алексеева

¹ *Советская Сибирь*. 1944. 5 янв.

² ГАКК. Ф. П-1474. Оп. 3. Д. 675. Л. 77.

вспоминала о случае, свидетельствовавшем об отношении юных рабочих, занятых в одной смене, к нарушению дисциплины со стороны напарников. В 1943 г. она временно исполняла обязанности начальника смены вместо заболевшего мастера. В смене трудились преимущественно юноши и девушки 16–17 лет. «Однажды было уже за полночь, я собрала пооперационные сведения и пошла в контору, чтобы передать их диспетчеру завода. Возвращаясь на участок, услышала шум и плач, подошла ближе, увидела – так и ахнула. Стоит в толпе работница – разукрашена вся в полосочку. Лицо, руки и ноги вымазаны черным лаком. Как я только ушла с участка, она решила вздремнуть. Работа была поточная, поэтому сразу же ее отсутствие обнаружилось. Она ушла на участок упаковки, залезла под стол и уснула, а в это время ее работницы разукрасили. Наказание было велико... Девочка эта не была наказана администрацией за то, что она оставила свое рабочее место, но после такого случая никто больше не отважился пойти вздремнуть»¹. Следовательно, коллектив молодых рабочих, трудившийся спаяно в одной смене, мог эффективно осуществлять контроль над поведением отдельных своих членов. В данном случае его основой являлась угроза морального осуждения за нарушение производственной дисциплины со стороны сверстников. Боязнь утратить «чувство локтя», способствовавшее эмоциональной сплоченности заводской молодежи перед суровой тыловой повседневностью, заставляла юношей и девушек ответственно выполнять производственные задания.

В целом в годы войны на оборонных предприятиях Сибири использовался широкий набор форм материального и морального стимулирования труда рабочей молодежи. В последнем случае оно приобретало как побудительный, так и принудительный характер. В частности одним из характерных явлений военного времени стала политика государства по дальнейшему ужесточению уголовной ответственности за нарушения производственной дисциплины со стороны трудящихся. В связи с этим на заводах и фабриках региона формально возросла роль административно-репрессивных стимулов, применявшихся на основе норм трудового права. Однако реальная их эффективность зависела от степени осознания юношами и девушками необходимости соблюдения дисциплины и угрозы наказания за ее игнорирование. С одной стороны, отдельные свидетельства ветеранов военных заводов наводят на мысль о том, что некоторая часть подростков и молодых людей сознательно стремилась соответствовать требованиям оборонного производства. С другой стороны, значительное количество осужденных юных рабочих свидетельствовало о размывании у многих из них данной установки под негативным влиянием тыловой повседневности. В этих условиях одностороннее использование форм принудительного стимулирования труда было наименее эффективно, поскольку оно не позволяло оказывать ей материальную и моральную поддержку заводской молодежи в суровых реалиях военного лихолетья.

¹ «Долга на земле не имею». Рассказывают ветераны // Букин С. С. Завод «Искра» в годы Великой Отечественной войны. С. 72.

В годы войны, наряду с укреплением дисциплины, заводские администрации, комитеты партии и комсомола пытались задействовать материальные стимулы производственной деятельности юношей и девушек. В данное время, несмотря на повышение размера заработной платы, его денежные формы утратили свое значение в интенсификации труда молодых рабочих. В связи с этим на оборонных предприятиях Сибири заметно возросла стимулирующая роль нормированного снабжения, дифференцированного по отдельным категориям трудящихся. Оно вело к повышению трудовой активности рабочей молодежи за счет дополнительного бытового обеспечения стахановцев и ударников, членов комсомольско-молодежных бригад. Вместе с тем, эффективность данного стимула зависела от обеспеченности военных заводов материальными ресурсами, необходимыми для удовлетворения основных потребностей работников. Однако скудность этих ресурсов затрудняла его широкое применение в отношении быстро растущей прослойки передовиков производства. Поэтому натуральные формы материального стимулирования труда были недостаточно эффективны, поскольку они не позволяли обеспечить сверхнормативное потребление для значительных масс юных рабочих.

В этих условиях партийные и комсомольские организации оборонных предприятий Сибири стремились опереться также на побудительные стимулы трудовой активности рабочей молодежи. В годы войны их роль существенно возросла, что было связано с интенсивным развитием соцсоревнования. Благодаря соревнованию широкое распространение на военных заводах получили информационно-пропагандистские формы стимулирования производственной деятельности подростков и молодых людей. Позитивные моральные стимулы использовались также теми кадровыми производственниками, которые искренне хотели привить юношам и девушкам технические навыки и привычку к трудовой дисциплине. Большое значение приобрела их отеческая забота о профессиональном обучении и воспитании нового поколения промышленных рабочих. В некоторых случаях роль общественного «воспитателя» мог играть и коллектив сверстников, пресекавший попытки нарушения дисциплинарных норм со стороны отдельных юношей и девушек. В целом различные формы побудительного стимулирования труда были наиболее эффективны, поскольку они оказывали влияние на внутренние морально-нравственные установки заводской молодежи. При этом положительное воспитательное воздействие на юных работников со стороны старших наставников являлось трудовым стимулом, наиболее адекватным их возрастной психологии.

Таким образом, в годы войны поддержание трудовой активности и дисциплины в среде рабочей молодежи оборонной промышленности Сибири осуществлялось преимущественно за счет форм внеэкономического стимулирования. В частности наибольшую роль в интенсификации производственной деятельности юношей и девушек играли агитационно-пропагандистская и воспитательная работа государственных организаций, а также отдельных кадровых работников.